

Марина Владимировна Гридяева¹

grimar123@yandex.ru

СОВЕТСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ОСВОЕНИЯ СЕВЕРНОГО САХАЛИНА НА РУБЕЖЕ 1920—1930-х гг.: ПЛЮСЫ И МИНУСЫ

В статье обозначены основные факторы, оказавшие влияние на разработку и реализацию планов освоения и колонизации советской части Сахалина, являющегося районом с экстремальными природными условиями. Своеобразие социально-экономических процессов, проходивших на острове, определялось удалённостью территории от индустриально развитых районов СССР, протяжённой границей с сопредельным государством, аграрно-сырьевой ориентацией экономики и крайне неразвитой производственной и социальной инфраструктурой. К 1925 г. район был очень слабо изучен, отсутствовала устойчивая транспортная связь с материком. Формированию позитивного образа территории не способствовало отношение к нему как к бывшему месту каторги и ссылки. Однако в советский период Северный Сахалин стал активно обживаться и экономически осваиваться при значительном государственном участии. Попытки создать самодостаточную экономику, ориентированную на глубокую переработку природных богатств, в 1930—1931 гг. закончились отказом от экономических экспериментов и переходу с 1932 г. к экономической модели, основанной на добыче природных ресурсов и их первичной переработке.

Ключевые слова: Дальний Восток России, Северный Сахалин, освоение, колонизация, экономика.

Marina V. Gridyaeva¹

grimar123@yandex.ru

THE SOVIET CONCEPT OF THE DEVELOPMENT OF NORTHERN SAKHALIN AT THE TURN OF THE 1920s—1930s: PROS AND CONS

This article identifies the main factors that influenced the development and implementation of plans for the development and colonization of the Soviet

¹ Государственный исторический архив Сахалинской области, Южно-Сахалинск, Россия.

State Historical Archive of the Sakhalin Region, Yuzhno-Sakhalinsk, Russia.

part of Sakhalin, which is an area with extreme conditions of development. The peculiarity of the socio-economic processes that took place on the island was determined by the remoteness of the territory from the industrially developed regions of the USSR, the long border with a neighboring state, the agrarian and raw materials orientation of the economy and the extremely underdeveloped industrial and social infrastructure. By 1925 the area was practically unexplored, there was no stable transport connection with the mainland. The formation of a positive image of the territory was not facilitated by the attitude towards it as a former place of penal servitude and exile. During the Soviet period, Northern Sakhalin was actively settled and economically developed with significant state participation. Attempts to create a self-sufficient economy focused on the deep processing of the island's natural resources in 1930—1931 ended with the abandonment of economic experiments and the transition from 1932 to an economic model based on the extraction of natural resources and their primary processing.

Keywords: Russian Far East, Northern Sakhalin, development, colonization, economy.

После длительных переговоров СССР с Японией 20 января 1925 г. был подписан договор об установлении дипломатических отношений и эвакуации до 15 мая текущего года японских войск с Северного Сахалина. 14 мая без использования военной силы, благодаря блестящей победе советской дипломатии, последний японский солдат покинул советскую землю. Единственный оставшийся очаг иностранной интервенции на советском Дальнем Востоке перестал существовать.

Северный Сахалин необходимо было включать в систему народного хозяйства СССР. Советское правительство с самого начала обозначило освоение этой территории в качестве важнейшей задачи, решение которой было необходимо для развития экономики страны и укрепления военно-стратегического положения государства на восточных рубежах.

Внешнеполитическая обстановка на дальневосточных рубежах страны актуализировала необходимость ускоренного заселения этих территорий, развития оборонного и промышленного строительства, стимулируя индустриальное освоение региона [3, с. 10, 13]. Скорейшая инкорпорация Северного Сахалина в состав страны была обусловлена, прежде всего, активной позицией Японии, заинтересованной в северосахалинской нефти. Согласно заключённому 14 декабря 1925 г. между правительствами СССР и Японии

концессионному договору, японские компании получили право в течение 45 лет эксплуатировать нефтяные (8 месторождений площадью 4,8 тыс. десятин) и угольные месторождения (4 участка площадью 114 кв. км) Северного Сахалина [6, с. 162—163].

Так, председатель Сахревкома Р.А. Шишлянников отмечал в докладной записке Дальревкому, что «весь вопрос колонизации Северного Сахалина придётся рассматривать как стремление Советского правительства закрепить своё влияние на Сахалине и противопоставить своё влияние влиянию японцев, которые с получением концессий могли стать фактическими хозяевами» [ГИАСО. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 53. Л. 2].

В первую очередь был сформирован комплекс мер, направленных на упрочение позиций советской власти на острове. 12 мая 1925 г. Президиум Дальревкома принял постановление об образовании новой административной единицы — Сахалинского округа «с непосредственным подчинением такового Дальревкому» [5, с. 216; 9, с. 256—257]. Были проведены предварительные мероприятия по преобразованию внутреннего территориального деления Северного Сахалина, образованы 4 района: Рыковский, Восточный, Александровский и Северо-Западный [1, с. 120]. Постановлением Президиума Дальревкома от 7 августа 1925 г. Сахалин был оформлен «в составе Дальневосточной области как самостоятельный округ с четырьмя районами» [5, с. 119]. Декретом ВЦИК от 4 января 1926 г. упразднилось прежнее деление Дальнего Востока на губернии и уезды и был образован Дальневосточный край (ДВК) в составе 9 округов [5, с. 224]. В их числе — Сахалинский округ с центром в г. Александровске, объединявший 4 района: Александровский, Рыковский, Охинский и Рыбновский. В дальнейшем, 20 октября 1938 г., Дальневосточный край разделили на Хабаровский и Приморский края [1, с. 120]. В состав первого вошла Сахалинская область. К концу 1927 г. в Сахалинском округе было образовано 30 сельских и 3 поселковых Совета.

Особенность управления Северного Сахалина на начальном этапе советского строительства состояла в том, что всей политической и хозяйственной жизнью руководил чрезвычайный (неконституционный) орган власти — Сахалинский революционный комитет (ревком), подчинявшийся Дальревкому в Хабаровске. Приступив к работе 15 мая 1925 г. [5, с. 120], он сохранял свои полномочия более трёх с половиной лет, до 1-го окружного съезда Советов, прошедшего в Александровске 20 января 1929 г., на котором был избран окружной исполком.

Советская концепция освоения Северного Сахалина, как и ДВК в целом, осуществлялась в соответствии с основными положениями, сформулированными в Постановлении Совета труда и обороны 17 октября 1924 г. «О ближайших задачах колонизации и переселения», которые предусматривали «вовлечение в хозяйственный оборот необжитых земель с целью увеличения сельскохозяйственной и промышленной продукции страны путём рационального как с точки зрения общегосударственных, так и местных интересов, расселения и эксплуатации естественных богатств колонизируемых районов» [8, с. 18].

Своеобразие социально-экономических процессов, проходивших на Дальнем Востоке, определялось рядом факторов: ДВК являлся наиболее удалённой территорией от индустриально развитых районов СССР, имел протяжённую границу с сопредельными государствами, отличался традиционной аграрно-сырьевой ориентацией экономики и крайне неразвитой производственной и социальной инфраструктурой. Северный Сахалин относится к числу районов с экстремальными условиями освоения. Он был крайне слабо заселён — по переписи населения 1926 г. здесь проживало всего 11,7 тыс. чел. [2, с. 4—5], по средней плотности населения он занимал предпоследнее место в ДВК, опережая лишь Камчатку. К этому следует добавить недостаток научно обоснованной информации об экономических возможностях территории, отсутствие устойчивой транспортной связи с материком, удорожавшей жизнь и производимую продукцию. Не менее важным было то, что представители советского общества смотрели на остров как на округ, «ничем не отличающийся от других округов края, в худшем же случае (что гораздо чаще) к нему подходят со старой меркой, как месту ссылки» [ГИА СО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 9. Л. 52 об.], что не способствовало формированию позитивного образа этой территории.

Важной задачей стало изучение природных богатств и производительных сил Северного Сахалина в целях определения перспектив его освоения и развития. В Полномочную комиссию ВЦИК во главе с В.Я. Аболтиным по приёму Северного Сахалина, сформированную 1 марта 1925 г., был включён в качестве эксперта геолог П.И. Полевой, на которого возлагалась особая миссия — уточнение предварительного объёма и состава имевшихся на острове минеральных ресурсов.

Ещё один член Полномочной комиссии, сотрудник экономически-правового отдела Народного комиссариата иностранных дел СССР А.П. Евецкий в «Проекте вводной части доклада о колониза-

ции Северного Сахалина» отметил политическую важность этого вопроса — стратегическое значение, а также колоссальные богатства — угольные, нефтяные, лесные. По японским данным, площадь угольных залежей составляла около 1200 кв. вёрст, где можно было добыть миллиард тонн (по советским данным — полтора миллиарда), нефтяных — около 8 тыс. кв. вёрст, а «запасы её исчисляются как нечто исключительное на Дальнем Востоке. Леса ещё не изучены, но колоссальны и дадут особо большой доход в случае устройства, например, целлулоидных заводов... В силу изложенного перед нами встаёт актуальнейшая задача закрепить Северный Сахалин за собой и что-либо противопоставить японизации нашей части острова» [РГАЭ. Ф. 478. Оп. 7. Д. 3540. Л. 3].

В первых пятилетних планах ДВК отводилась, как правило, роль поставщика сырьевых ресурсов. Эта тенденция сохранялась и в отношении Северного Сахалина, который рассматривался как источник сырья и валютных поступлений для индустрии Дальнего Востока и страны в целом. «Сахалин с нефтью, Сахалин — рыбный, Сахалин с пушниной, Сахалин с углём, Сахалин с земледелием, Сахалин с лесом, Сахалин с золотом, Сахалин с солью — вот что Сахалин, а не просто кусочек острова, имеющий некоторое политическое или маленькое экономическое значение...», — звучало в письме секретаря Сахалинского партбюро Н. Селова в орготдел Далькрайкома ВКП(б) в августе 1926 г. [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 103. Л. 34 об.]. Так, например, исследования Сахалинской горно-геологической экспедиции в 1925 г. показали, что общие запасы сахалинского угля исчислялись в 2,5 млрд т, промышленные запасы — 560 млн т [11, с. 74].

Несмотря на то, что активно изучался вопрос о комплексной колонизации Северного Сахалина «по трём направлениям: в виде промышленной, промысловой и сельскохозяйственной» деятельности [РГАЭ. Ф. 478. Оп. 7. Д. 3540. Л. 5], 2 марта 1926 г. на заседании Дальневосточного колониального комитета было решено, что Сахалин становится объектом сельскохозяйственной колонизации [11, с. 82]. Главный упор делался на создание сельскохозяйственной базы развития экономики и формирование постоянного контингента населения на основе переселения крестьян. Советское государство унаследовало отношение к Сахалину, сформировавшееся ещё в имперский период.

На данном этапе реализовать переселенческую политику было крайне сложно. По подсчётам В.В. Щеглова, из водворённых в 1926—1929 гг. переселенцев 30% составили «обратники» (т.е. выехавшие обратно переселенцы), что ярко иллюстрировало неудачу

сельскохозяйственной колонизации [11, с. 88—89]. Свою роль в этом процессе сыграла слабая исследованность Северного Сахалина. Поэтому в 1920-е гг., как и в последующие, шло накопление необходимой информации. Для уточнения природных богатств Северного Сахалина сюда направлялись научные экспедиции, результаты исследований которых заложили основу для принятия правительственных решений в 1930-е гг.: комплексная горно-геологическая экспедиция под руководством Н.А. Худякова (1925—1927); переселенческая экспедиция Народного комиссариата земледелия СССР во главе с профессором А.А. Красюком (1922—1927) по обследованию почв и природных особенностей бассейнов р. Тымь, Поронай, Ныш; экспедиция А.Н. Криштофовича по разведке угольных месторождений (1927—1929) и др.

Постановление СНК РСФСР от 22 февраля 1928 г. о мероприятиях по развитию экономики Сахалина и Камчатки стало продолжением концепции освоения данных территорий. Принципиальные его положения сводились к следующему: усиление переселения на Сахалин и проведение промышленного заселения; развитие каменноугольной и нефтяной промышленности; использование рыбных, лесных и пушных богатств острова; обеспечение связи и увеличение регулярных рейсов между Сахалином и материком [12, с. 49]. Постановлением СНК СССР от 26 августа 1929 г. был образован Комитет по делам Камчатки и Сахалина при Совете труда и обороны СССР, задачей которого стало содействие «развитию народного хозяйства и рациональному использованию естественных богатств Сахалинского и Камчатского округов, Охотского и Ольского районов Николаевского округа Дальневосточного края, островов в Охотском и Беринговом морях, острова Врангеля в Ледовитом океане» (Комитет был ликвидирован постановлением СНК СССР от 6 января 1931 г.) [ГАРФ. Ф. Р-7815. Оп. 1. Д. 1. Л. 2].

В этот период в стране и регионе происходили модернизационные преобразования, сущностными основаниями которых являлись форсированная индустриализация и коллективизация сельского хозяйства, а в сфере политической — становление и укрепление сталинской тоталитарной системы с диктатурой партийных органов и репрессивного аппарата ОГПУ — НКВД. Мероприятия, проводимые советскими властями в отношении промышленности региона, приобрели характер целенаправленной политики [7, с. 97]. Для реализации задач промышленной колонизации Северного Сахалина правительством СССР в 1928—1929 гг. были созданы государственный трест «Сахалиннефть» и Акционерное Сахалинское общество (АСО).

В конце 1931 г. народное хозяйство Сахалина было реорганизовано. АСО расформировано, на его основе созданы государственные тресты «Сахалинуголь», «Сахалингосрыбтрест», «Сахалинлес», «Сахалинснаб». Являясь экспортными, эти отрасли стимулировали развитие экономики. 5-й пленум Сахалинского обкома ВКП(б) поставил вопрос о превращении во «втором пятилетии Советского Сахалина в экспортно-топливную базу ДВК в общем экспортном балансе ДВК». Общий запас экспортной древесины оценивался в 1933 г. в 67,2 тыс. куб. м [ГИАСО. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 8. Л. 6]. Экспортные итоги за 1929—1931 гг. составили: нефтеэкспорт — 329 187 т, уголь — 35 536 т, лес — 735 392 куб. м, пушнина (заготовка и вывоз) — 717 800 руб. при условии «далеко не максимального использования экспортных богатств» [ГИАСО. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 8. Л. 8—9]. Экспортные возможности Северного Сахалина по-новому определяли его роль во внутреннем экономическом развитии СССР как источника валютных средств, остро необходимых государству.

Таким образом, в годы первых пятилеток программа развития Северного Сахалина предусматривала колонизацию, освоение природных богатств острова, в первую очередь валютного и экспортного ориентирования, при снабжении продовольственными ресурсами, рабочей силой из центральных районов страны. Программа второй пятилетки к этому добавляла усиленное финансирование промышленности, транспортной сети, связи. Решения советско-партийных структур определяли темпы освоения и объём использования богатейших естественных ресурсов Сахалинского округа, во второй пятилетке намечалось решить в полной мере основные проблемы транспорта (строительство четырёх портов, ряда портоубежищ и пристаней), увеличить нефтедобычу с 200 тыс. т в 1932 г. до 2 млн т в 1937 г., лесозаготовки — до 3 млн т, угледобычу — до 2 млн т и т.д. [ГИАСО. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 7. Л. 71]. Значительные государственные капиталовложения направлялись на создание и модернизацию нефтяной и нефтеперерабатывающей промышленности, интенсивную разработку месторождений. С 1928 по 1937 г. капиталовложения в промышленное и социальное строительство треста «Сахалиннефть» составили 130,8 млн руб., основные производственные фонды возросли с 250 тыс. руб. до 76 млн руб. Добыча нефти за данный период составила 1 млн 406,6 тыс. т — 1,2% общесоюзной добычи [10, с. 74]. В 1933—1939 гг. общая сумма капиталовложений в островное хозяйство составила 321,1 млн руб., в результате чего экономика Сахалинской области стремительно увеличивала свой потенциал. В 1939 г. на Сахалине действовало 6 нефтепромыслов,

5 угольных шахт, 15 рыбозаводов, 2 судоверфи, а также множество вспомогательных предприятий, входящих в структурные подразделения трестов и коммунальных служб.

План развития Северного Сахалина, несмотря на ряд негативных сторон (постоянная корректировка, дефицит рабочих рук, подход к Сахалину как к сырьевому приращку и др.), можно рассматривать как важное звено советской экономической доктрины в рамках развития народно-хозяйственного комплекса страны. В результате Северный Сахалин активно обживался и экономически осваивался. За период с 1925 по 1941 г. число жителей на Северном Сахалине увеличилось в 11 раз, достигнув 110 тыс. чел. [4, с. 121]. Реализовывались масштабные социально-экономические программы, следствием которых стало транспортное освоение региона, возникновение новых населённых пунктов, создание инфраструктуры. Сложилась целая система стимулов и мер для населения, мотивирующая людей отправляться в новые места, развивать экономику и оставаться на постоянное место жительства. Политические и социально-экономические процессы на Северном Сахалине постепенно меняли его облик.

ЛИТЕРАТУРА

1. Административно-территориальное деление Сахалинской области. Документы и материалы. Южно-Сахалинск: Сахалин. отд-ние Дальневост. кн. изд-ва, 1986. 136 с.
2. Всесоюзная перепись населения 1926 г.: в 7 т. М.: ЦСУ СССР, 1928. Т. 7. 200 с.
3. Галлямова Л.И. Дальний Восток в общероссийском пространстве: исторический опыт освоения и особенности развития региона // Вестник ДВО РАН. 2013. № 4. С. 9—17.
4. Дальний Восток России в эпоху советской модернизации: 1922 — начало 1941 года. Владивосток: Дальнаука, 2018. 656 с. (История Дальнего Востока. Т. 3. Кн. 2)
5. Дальревком: Первый этап мирного советского строительства на Дальнем Востоке. 1922—1926 гг.: сб. документов. Хабаровск: Кн. изд-во, 1957. 286 с.
6. Лисицына Е.Н. Нефть и газ Сахалина. Южно-Сахалинск: Сахалинская областная типография, 2020. 280 с.
7. Маклюков А.В. Особенности модернизации российского Дальнего Востока: имперская и советская модели индустриального освоения // Новейшая история России. 2022. Т. 12. № 1. С. 92—108.
8. Переселенческое дело. Сборник декретов и распоряжений по переселению. М.: ОГПУ им. т. Воровского, 1927. 360 с.
9. Победа советской власти на Северном Сахалине (1917—1925 гг.): сб. документов и материалов. Южно-Сахалинск, 1959. 316 с.
10. Ткачева Г.А. Мобилизационная модель модернизации Дальнего Востока СССР в 1920—1930-е гг. // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2022. Т. 37. С. 63—82.

11. Щеглов В.В. Опыт сахалинских переселений (1853—2002 гг.). Южно-Сахалинск: Сахалинская областная типография, 2019. 256 с.
12. Экономика Сахалина. Южно-Сахалинск: Сахалин. кн. изд-во, 2003. 308 с.
13. ГАРФ (Гос. арх. Российской Федерации).
14. ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края).
15. ГИАСО (Гос. ист. арх. Сахалинской области).
16. РГАЭ (Рос. гос. арх. экономики).

REFERENCES

1. *Administrativno-territorial'noe delenie Sakhalinskoy oblasti. Dokumenty i materialy* [Administrative-Territorial Division of the Sakhalin Region. Documents and Materials]. Yuzhno-Sakhalinsk, Sakhalin. otd-nie Dal'nevost. kn. izd-va Publ., 1986, 136 p. (In Russ.)
2. *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 g.: v 7 t.* [All-Union Population Census of 1926. In 7 Volumes]. Moscow, TsSU SSSR Publ., 1928, vol. 7, 200 p. (In Russ.)
3. Gallyamova L.I. Dal'niy Vostok v obshcherossiyskom prostranstve: istoricheskiy opyt osvoeniya i osobennosti razvitiya regiona [The Far East in the All-Russian Space: Historical Experience of Development and Features of the Development of the Region]. *Vestnik DVO RAN*, 2013, no. 4, pp. 9—17. (In Russ.)
4. *Dal'niy Vostok Rossii v epokhu sovetskoj modernizatsii: 1922 — nachalo 1941 goda* [The Russian Far East in the Era of Soviet Modernization: 1922 — Early 1941]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2018, 656 p. (Istoriya Dal'nego Vostoka. T. 3. Kn. 2 [The History of the Far East. Vol. 3. Book 2]). (In Russ.)
5. *Dal'revkom: Pervyy etap mirnogo sovetskogo stroitel'stva na Dal'nem Vostoke. 1922—1926 gg.: sb. dokumentov* [Dal'revkom: The First Stage of Peaceful Soviet Construction in the Far East. 1922—1926: Collection of Documents]. Khabarovsk, Kn. izd-vo Publ., 1957, 286 p. (In Russ.)
6. Lisitsyna E.N. *Neft' i gaz Sakhalina* [Sakhalin Oil and Gas]. Yuzhno-Sakhalinsk, Sakhalinskaya oblastnaya tipografiya Publ., 2020, 280 p. (In Russ.)
7. Maklyukov A.V. Osobennosti modernizatsii rossiyskogo Dal'nego Vostoka: impereskaya i sovetskaya modeli industrial'nogo osvoeniya [Features of Modernization of the Russian Far East: Imperial and Soviet Models of Industrial Development]. *Noveyshaya istoriya Rossii*, 2022, vol. 12, no. 1, pp. 92—108. (In Russ.)
8. *Pereselencheskoe delo. Sbornik dekretov i rasporyazheniy po pereseleniyu* [Resettlement Business. Collection of Decrees and Orders on Resettlement]. Moscow, OGPU im. t. Vorovskogo Publ., 1927, 360 p. (In Russ.)
9. *Pobeda sovetskoj vlasti na Severnom Sakhaline (1917—1925 gg.): sb. dokumentov i materialov* [The Victory of Soviet Power in Northern Sakhalin (1917—1925): Collection of Documents and Materials]. Yuzhno-Sakhalinsk, 1959, 316 p. (In Russ.)
10. Tkacheva G.A. Mobilizatsionnaya model' modernizatsii Dal'nego Vostoka SSSR v 1920—1930-e gg. [Mobilization Model of Modernization of the Far East of the USSR in the 1920s—1930s]. *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN*, 2022, vol. 37, pp. 63—82. (In Russ.)
11. Shcheglov V.V. *Opyt sakhalinskikh pereseleniy (1853—2002 gg.)* [The Experience of Sakhalin Migrations (1853—2002)]. Yuzhno-Sakhalinsk, Sakhalinskaya oblastnaya tipografiya Publ., 2019, 256 p. (In Russ.)
12. *Ekonomika Sakhalina* [Sakhalin Economy]. Yuzhno-Sakhalinsk, Sakhalin. kn. izd-vo Publ., 2003, 308 p. (In Russ.)